

В диссертационный совет МГУ.08.01
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора экономических наук Дзарасова Руслана Солтановича
на диссертацию

Мальцева Александра Андреевича

«История экономических учений в системе экономических наук:
современность и перспективы»,

представленную на соискание ученой степени доктора экономических
наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория

Актуальность.

Рассматриваемая диссертация посвящена теме, актуальность которой резко возросла в последнее десятилетие. Это связано с разразившемся в 2007-2009 гг. мировым экономическим кризисом. Он роставил под вопрос господствующую в современном мире неоклассическую парадигму экономической науки. Выявилась методологическая и мировоззренческая ограниченность т.н. мейнстрима. В связи с этим усилился интерес к противостоящим господствующей отродоксии т.н. гетеродоксальным экономическим теориям. С другой стороны, сам мейнстрим стал эволюционировать за счет включения некоторых подходов, прежде считавшихся аутсайдерскими.

Все это показало, что экономическая наука развивается нелинейно. Её прогресс нельзя объяснить простым накоплением информации и простым переходом от менее совершенных ко все более совершенным и правильным взглядам. Наоборот, становится очевидным, что экономическая теория развивается в результате сложного взаимодействия господствующих и альтернативных теорий, предполагающего как пдейное противоборство, так и определенные заимствования и взаимовлияние. Именно по этой причине вновь возрастает значение истории экономических учений как одной из основных теоретических дисциплин, которая в наибольшей степени способна показать изменчивую ценность различных противоборствующих школ и их постулов. Лишь эта дисциплина способна объяснить соотношение и взаимосвязь внутренней логики развития школ экономической науки, и внешних исторических и культурных условий этого развития. В фокусе рассматриваемой работы как раз и находится поиск факторов, определяющих смену школ экономической теории.

Обоснованность и достоверность основных положений и выводов.

В работе убедительно показано изменение статуса истории экономической мысли в системе экономических наук. Она оказалась вытеснена на периферию преподавания данных дисциплин (С. 12-33). В

частности, в работе убедительно показано на эмпирическом материале, что данная дисциплина практически не включается в перечень предметов, обязательных для изучения на экономических факультетах университетов мира; все чаще её стремятся исключить из перечня экономических наук; цитируемость соответствующих научных изданий остается невысокой, сужается воспроизводство исследовательских и преподавательских кадров в данной области и т.д. Все это подтверждает тезис автора работы о резком снижении статуса истории экономических учений как университетской дисциплины и сферы научных исследований.

К числу достижений диссертанта следует отнести предлагаемое им разграничение факторов периферизации истории экономических учений на внутренние и внешние.

К первым относится господство в мейнстриме экономической науки позитивизма, как основной методологической парадигмы. В соответствии с этим подходом, экономисты стремятся представить свою науку, близкой к естественно-научным дисциплинам. Как удачно сказано в работе, приняв «воинствующий позитивизм», большинство представителей этого течения ощутили себя «прикладными математиками» (С. 48). Между тем, данный подход предполагает, что накопление знаний в экономических науках носит линейно-кумулятивный характер движения от «ложных» теорий у «правильным». При этом, самой истинной всегда считается современная система взглядов. Понятно, что история в такой ситуации становится просто излишней.

Не менее значимым, однако, является внешний фактор падения ценности истории экономических учений в глазах большинства экономистов. Тут сыграли свою роль разнообразные факторы, такие как: переезд в США во время Второй мировой войны целого ряда специалистов из Европы, привнесших математическую версию неоклассики в американскую мысль; привлечение экономистов к работе по оборонной тематике наряду с инженерами и физиками, что способствовало заимствованию первыми методов последних; широкое внедрение ЭВМ в экономический анализ и т.д. Отмечается и роль антикоммунистических настроений и маккартизма в США в утверждении математизированного мейнстрима (С. 36).

Достижением работы является выявление специфической эволюции методологии истории экономической мысли в XIX – начале XXI века (С. 80-99). Она рассматривается в свете борьбы двух подходов. Первый – абсолютистский – состоит в понимании истории экономической мысли, как движению к истине путем накопления знаний, независимому от исторических условий (С. 37). Второй подход – релятивистский – предполагает, что экономические теории должны пониматься в соответствии хозяйственным, и шире – с историческим контекстом (там же). В результате, развитие методологических воззрений на историю экономической мысли предстает в виде ряда абсолютистско-релятивистских циклов.

Особую ценность имеет оценка автором работы текущего статуса истории экономических учений в системе экономических наук. В частности, в работе показано, что в результате роста враждебности к данной дисциплине со стороны мейнстрима экономической науки, она, начиная с 1980-х годов, начала перемещаться в область смежных гуманитарных дисциплин. Примерно треть специалистов в данной области имеют неэкономическое образование (С. 79). Происходит снижение потребности в специализированных изданиях в данной области (С. 72).

Представляет интерес изучение того, как экономистами оценивается влияние сдвигов материального производства на историю экономических учений (С. 100-116). Автор выделяет два подхода к решению данной проблемы. Согласно одному, наблюдается тесная связь между технико-экономическими сдвигами в экономике и развитием школ экономической науки, а также изменением соотношения между ними. Согласно второму, изменения в истории экономических учений связаны с «внешними пертурбациями» - кризисами, революциями, сменой фаз кондратьевских циклов. В работе подчеркивается любопытное обстоятельство. Большинство авторов, отмечающих влияние материального развития на экономическую науку, ограничивается периодом истории до появления классической политической экономии, т.е. исключают из рассмотрения современность (С. 96). Автор диссертации объясняет это господством позитивистской методологии, враждебной историческому подходу.

Автор сумел предложить оригинальный подход к объяснению эволюции истории экономических учений. Он предлагает вписать уже имеющиеся соответствующие работы «в более обширный контекст, который должен обеспечивать непрерывность анализа ИЭУ; сплести единой аналитической нитью изменения в области экономики, институциональных образований и культуры; пролить свет на причины изменений в облике экономической мысли и природу происхождения новых элементов экономического знания» (С. 95). В качестве такого фона диссертант предлагает рассматривать эволюцию «технико-экономического ландшафта глобального хозяйства» (там же). Его суть можно суммировать в мысли, что смена лидера, доминирующего в мировой экономике сопровождается сменой и лидера, доминирующего в экономической науке (С. 97-98).

На этой основе объясняется и «национальная диспропорциональность» в истории экономических учений. Так смена геоэкономического лидера сопровождается и сменой лидера, доминирующего в теории (С. 139). На этой основе объясняется связь второй промышленной революции и т.н. «маржиналистской революции» (С. 177-190); смены технологических укладов и возникновения кейнсианской теории (С. 191-216); т.н. «инновационной паузы» 1970-х гг. и роста влияния монетаризма (С. 117-230).

К числу наиболее интересных результатов работы следует отнести анализ влияния «Великой рецессии» 2007-2009 гг. на развитие изучаемой

дисциплины (С. 247-271). Главный вывод работы по этому вопросу состоит в том, что в ответ на критику в свой адрес мейнстрим начал интеграцию ряда идей из теорий, которые до сих пор считались маргинальными. К ним относятся: поведенческая экономическая теория, экспериментальная экономика, эволюционная теория игр, теория экономической сложности и др. (С. 268). Таким образом, мировой кризис привел не только к росту влияния гетеродоксальных школ экономической мысли, но и к эволюции самого мейнстрима.

Наконец, нельзя не отметить важную постановку автором работы проблемы дальнейшего развития гетеродоксальной экономической мысли. В работе предсказывается два альтернативных сценария ее возможного будущего развития, включающих математизацию, как средства сближения с мейнстримом, или обособление от него. Жизнь покажет, насколько диссертант прав и какой путь выберет гетеродоксальная мысль. Но нельзя не отметить, что эти прогностические соображения автора работы представляют интерес.

В целом, следует отметить, что основные положения рассматриваемой диссертации, выносимые на защиту, отличаются ясностью формулировок, обосновываются анализом соответствующей литературы и рассмотрением эмпирического материала, а также результатами собственных фактологических исследований и опросов автора. Это позволяет заключить, что основные положения диссертации, выносимые на защиту, представляются достоверными, обоснованными и содержащими новизну.

Вместе с тем работа не свободна от некоторых недостатков.

Замечания.

Во-первых, представляется, что объясняя периферизацию истории экономических учений господством позитивизма в мейнстриме, *следовало бы противопоставить этой философской методологии её альтернативу – диалектический метод научного исследования.* Именно контраст двух подходов позволяет наиболее глубоко интерпретировать методологическую враждебность неоклассики по отношению к истории экономической мысли. Как известно, позитивизм считает научным лишь такое положение, которое выведено из непосредственного наблюдения, отбрасывая все остальные соображения как ненаучную «метафизику». В результате, существующие формы явлений трактуются статично, как неизменные. Диалектическая логика напротив, понимает все явления как превращающиеся в свою противоположность под влиянием внутренних противоречий. Таким образом, там где позитивизм признает лишь статичные факты, диалектика видит процессы. Для последней факты весьма значимы, но они представляют собой лишь «фотоснимки» процессов. Из этого ясно, что диалектика по своей природе склонна к историческому взгляду, тогда как позитивизм – по необходимости враждебен. Апелляция к диалектике сделала бы аргументацию диссертанта логически более глубокой и последовательной, а значит, и еще более обоснованной.

Во-вторых, в работе мало учтены господствующие в обществе социальные интересы как фактор развития экономической науки. В самом деле, сама методология науки не является каким-то социально нейтральным, техническим инструментом анализа. Позитивизм как поклонение факту, перенесенный в общественные науки, обосновывает незыблемость существующих социальных институтов. Сам термин «позитивная социология» был введен в научный оборот Огюстом Контом вполне сознательно в противовес «негативной философии» Гегеля и Маркса. При этом Конт открыто апеллировал к правящему классу, утверждая, что его социология единственно способна обеспечить «политическую стабильность».¹ Позитивисты, таким образом, выполняют роль «органических интеллектуалов» по терминологии Грамши. Иными словами, они представляют институты, отражающие интересы господствующих классов, как якобы общенациональные. История же вообще, и история экономических учений в частности, стихийно подводит исследователя к диалектической логике, ибо неизбежно смотрит на социально-экономические институты как на закономерный итог развития, причем развития незавершенного, изучая этот процесс делает акцент на противоречиях и т.д. В результате, история подводит к мысли о преходящем характере всех общественных институтов, а следовательно, и подрывает легитимность доминирующего положения господствующего класса. Открытая постановка проблемы преобладающих в буржуазном обществе социальных интересов позволила бы автору выделить среди причин периферизации истории экономических учений главные и производные. С этим связано и наше следующее замечание.

В-третьих, работа не свободна от некоторого преувеличения роли технологических сдвигов в развитии экономической мысли. Нельзя, конечно, не согласиться со стремлением автора поставить историю экономической мысли на прочные основания экономической истории. Не вызывает возражений в принципе и рассмотрение влияния трансформации «техно-экономического ландшафта глобального хозяйства на экономическую мысль. Хорошо, что автор работы отрешивается от технологического детерминизма, справедливо считая, что: «Технологический прогресс не оказывает непосредственного влияния на экономическую мысль. Каналом, связывающим мир идей с технологической сферой, выступает общество и его интеллектуально-идеологические обыкновения, сдвиги в которых, возникающие под воздействием развития технологий, помогают популяризировать новые экономические концепции и (или) модернизировать старые воззрения» (С. 92-93). Связующим звеном между технологическими сдвигами и изменениями хозяйственной жизни, обуславливающими сдвиги в теории, выступает «преобразование институциональной среды, обусловленное технологическими сдвигами» (С. 94).

¹ Соотношение позитивизма и диалектики с интересами правящих и угнетенных классов хорошо раскрыто в классической работе Герберта Маркузе «Разум и революция».

Это положение защищает автора от прямых обвинений в детерминизме. Однако важно то, что сама эта «институциональная среда» мало анализируется и выглядит в работе как не оказывающая никакого влияния на процесс технологических сдвигов, как простой посредник, передаточный механизм между техническим прогрессом и экономикой. В самом деле, это «инновационная пауза» между сменой «технологий широкого применения» вызвала явления и «Великой депрессии», и «Стагфляции» 1970-х г., и «Великой рецессии» 2007-2009 гг., и, вероятно, нынешней «Великой стагнации». Автор безусловно прав, когда считает, что эти кризисы мирового капитализма были главной (хотя, наверное, не единственной причиной) восхождения кейнсианства, монетаризма и современных поисков теоретиков. Однако если справедливо выводить указанные мировые потрясения капитализма из «паузы» техникой инноваций, то надо принять детерминизм, и тогда сделать это открыто. Думается, однако, что для этого нет достаточных оснований.

Как показывают Роберт Бреннер, Дэвид Харви и другие авторы, «Стагфляция» 1970-х гг. наступила в результате послевоенного возрождения промышленности Западной Европы и Японии, что привело к усилению конкуренции на мировом капиталистическом рынке, что в условиях невозможности резко снизить зарплату своих рабочих в условиях «Холодной войны» привело к падению прибылей корпораций. Как видим «инновационная пауза» здесь не причём. Она конечно наблюдалась, но скорее была последствием падения заинтересованности крупного капитала в производственных инвестициях. Выход из этого положения был найден отнюдь не во внедрении новых технологий даже широкого применения. Выход состоял в глобальном сдвиге производства с Севера на Юг в регионы с низкой оплатой труда. Да, в этом процессе сыграли свою роль технологии – новые средства связи и коммуникаций резко повысили мобильность капитала. Но это обстоятельство является хотя и важным, но внешним условием формирования глобальных цепочек создания стоимости. Именно этот институт стал главной формой преобразования структуры мирового хозяйства. Но технологии здесь играют лишь роль технического средства закрепления новой формы эксплуатации труда на мировой арене. Сама потребность в создании этого института определяется не техническим прогрессом, а новой формой максимизации прибыли, соответствующей наступившей исторической стадии накопления капитала.

Нельзя провести связь между «инновационной паузой» и утверждением монетаризма, как господствующей школы мейнстрима. Скорее он отражает глубокий институциональный сдвиг мирового капитализма от господства индустриального капитала к доминированию финансово-спекулятивных структур. Сам этот сдвиг обусловлен тем, что рынки капиталов являются важнейшим, наряду с глобальными цепочками стоимости, инструментом перераспределения доходов, созданных странами периферии, в пользу стран центра. Монетаризм выражает интересы этих доминирующих групп

капитала, ставя финансовую стабильность, т.е. сохранение стоимости финансовых активов, выше интересов развития национальной промышленности. Таким образом, технологии и институциональные сдвиги выступают как моменты, подчиненные действию основного экономического закона капитализма – закона прибавочной стоимости.

В-четвертых, в силу недостатка в рассматриваемой работе акцента на отражении социальных интересов в экономической науке, *не получили содержательной оценки изменения в экономической теории, произошедшие под влиянием Великой рецессии 2007-2008 гг.* Как уже сказано выше, одним из достоинств работы, делающим её современной и особенно актуальной, является рассмотрение эволюции мейнстрима в последнем десятилетии, включившем элементы теорий, до сих пор считавшихся маргинальными. Однако автор работы не рассматривает мировоззренческую роль этих новых элементов мейнстрима, не анализирует концепцию мирового кризиса, которая с их помощью создается. А ведь эта концепция имеет ясные социальные коннотации. Заимствуя элементы нового научного аппарата, мейнстрим создает новые вспомогательные модели, позволяющие объяснить те или иные факторы мирового кризиса. И действительно, его причины включают и важные поведенческие аспекты, и возрастание сложности экономических процессов, вытекающую из этого фундаментальную неопределенность и т.д.

Однако, сколь бы реалистично эти вспомогательные модели ни отразили те или иные факторы кризиса, они призваны затушевать его главные причины. Эти модели позволяют игнорировать тот основополагающий факт, что современный мировой капитализм преодолел «стагфляцию» 1970-х годов за счет переноса производства в регионы с низкой оплатой труда, т.е. за счет усиления эксплуатации; что это привело к отставанию совокупного спроса от совокупного предложения в мировом масштабе; что на этой основе произошел неслыханный рост финансово-спекулятивного, т.е. «фиктивного» по точному выражению Маркса капитала и т.д. В то же время, гетеродоксальные школы экономической науки сделали гораздо больший акцент на фундаментальных противоречиях капитализма, вскрыв действительную основу мирового экономического кризиса. Именно в ответ на эту критику, судя по всему, неоклассический мейнстрим предпринял свои усилия по «иммунизации» (как сказал бы Карл Поппер) твердого ядра своей теории.

Тем не менее, приведенные замечания не отменяют нашей общей положительной оценки рассматриваемой работы. Более того, большую часть из данных замечаний А.А. Мальцеву удалось бы снять, если бы он активнее использовал в настоящей диссертации результаты своих же исследований, посвященных причинам кризиса 2007-2008 гг. и текущей ситуации в мейнстриме экономической науки, опубликованных на страницах журналов «Левая политика» и «Мировая экономика и международные отношения», а также в монографиях «Стратегии модернизации в мировой

экономической практике» и «Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия». Поэтому данные замечания являются скорее пожеланиями для последующих исследований автора и могут быть учтены им в его дальнейших научных изысканиях.

Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть, что достоверность и новизна научных положений, содержащихся в работе А.А. Мальцева не вызывает никаких сомнений. Выводы диссертации хорошо обоснованы и глубоко фундированы. Диссертационное исследование опирается на широчайший массив не только отечественных, но и зарубежных источников информации. Использованные при работе над диссертационным исследованием методы вполне релевантны поставленным задачам. Диссертация написана хорошим литературным языком, структура работы отличается последовательностью и логичностью. В автореферате хорошо отражено основное содержание самой диссертации. Положения научной новизны подробно раскрыты в многочисленных научных публикациях диссертанта.

Диссертация «История экономических учений в системе экономических наук: современность и перспективы» полностью соответствует требованиям ВАК РФ и отвечает всем критериям, установленным в «Положении о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», утвержденном ректором Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 27 октября 2016 г., а ее автор – Мальцев Александр Андреевич достоин присуждения ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.01 «Экономическая теория».

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой
политической экономии и
истории экономической науки
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова»

Дзарасов Руслан Солтанович

Дзарасов

17997, г. Москва, Стремянный пер., д.36, каб. 502

Тел.: +7(499) 237-84-93

E-mail: dzarasovr@gmail.com

17 ноября 2017 года

